

Ключевые слова: литература, проза, классика, современность, герой-персонаж, герой нашего времени, «новый реализм», идеалы и антиидеалы

Современная проза помещена в информационное визуальное пространство. Наряду с ней существует «классика» — как литературоведческое понятие и как литературный текст, соотносящийся к прошлому литературы и искусства. Наблюдается синхронное существование и «первых», и «вторых» текстов. Между ними вклинивается понятие о традиции, её признание или отрицание. Последнее предполагает интерпретацию и право не только на реконструкцию, но и на постмодернистскую деконструкцию. Одни восклицают: «Значение Пушкина вечно!» Другие иронизируют: «Нужен ли Пушкин сегодня?» Смещаются все понятия в многополярном мире. «Пространство сегодняшнего информационного общества не имеет чёткой дифференциации „центра“ и „периферии“, что объясняет существование в нём разнообразных текстов культуры на паритетных началах. В таком типе общества большую значимость имеют социальные механизмы, изменяющие систему ценностей, поэтому вопрос сущности текстов культуры актуализировал исследования их классических образцов, являющихся основным связующим звеном между культурными парадигмами прошлого и настоящего. В этом смысле классический текст выполняет важнейшую социокультурную миссию хранения и передачи традиции, творения и распространения нового. Вместе с тем его достаточно сложно дифференцировать в глобальном информационном потоке современной культуры» (Худолей Н. В.)¹.

В целом можно согласиться с автором исследования и применить это методологическое основание и к современному состоянию художественной литературы, её корреляции с «классикой», чтобы увидеть тенденции актуализации современных текстов прозы и поэзии.

В России ежегодно издаётся сто двадцать тысяч наименований книг. Как охватить индивидуальным сознанием это море литературы? Прочитать всё множество книг невозможно для одного человека. Значит, надо искать какие-то общие подходы, определять концептуальные тенденции. Можно считать, что следование традициям классической литературы закончилось в конце двадцатого века. Для классики характерны повествовательный сюжет, размеренное движение времени, его линейное восприятие. И характерно для всего массива литературы той поры: прописка Лица Героя Нашего Времени. Это характерно для мифологических текстов и всей эпохи язычества, для Античности и Средневековья, для Возрождения и Нового времени, для реализма двух последних столетий.

Современная литература «героя нашего времени» как бы дисквалифицировала, устранила. Нет авторитетов, нет идеалов, подражать некому! В начале двадцатого века поэт Владимир Маяковский восклицал: «Делать бы жизнь с кого?» — и указывал на конкретную личность — на Феликса Дзержинского. Индивидуализм либерализма (вот парадокс!) убил Героя. Нет повестей о «настоящем человеке», пропал интерес к тому, «как закалялась сталь».

Мы бы отметили два основных направления в прозе глобализации:

1. криминализация мира и общественного сознания;
2. мистификация бытия, апологетика «ужасиков», страшилищ, дьявольщины, «секретных агентов» и пр.

«Жизнь в зоне», «воровской закон» (по понятиям), уголовщина, репрессии («ГУЛАГ»), фашизм, «Уотергейт», информационная война, гендерная политика и однополые браки, модернистский протестантизм, сексуальное насилие — вот неполный перечень тем современной литературы, кинематографа и театрального искусства. Общее определение — грэш-эстетика (мусор, хлам, отходы).

Глобальное пессимистическое умозаключение — Царство Божье невозможно, «Бог умер!», «индивид не воскрес», а унизились, утонул в пошлости,

.....
1. Худолей Н. В. Классический текст культуры как система коммуникативного кодирования. Автореферат диссерт. на соискание уч. степени кандидата культурологии. — Н. В. Худолей / Улан-Удэ, 2016. — 23 с.

в бесконечных разборках, перестрелках. Всех испортил потребительский интерес, его неразрешимость по справедливости, преждевременная моральная смерть. Девиантное отклонение, идея смерти «по желанию» и «по согласию», обучение «лёгкой смерти», массовый невроз, предательство и насилие как банальное, привычное.

В литературе криминального толка я бы выделил роман Захара Прилепина «Обитель» (главный герой романа — убийца отца, попавший на Соловки). Здесь двойной криминал: простое уголовное убийство и слон (Соловецкий лагерь особого назначения).

От «лагерной темы» в литературе общество устало. Надо искать позитив в реальной жизни. А вот это очень трудная задача для литературы и искусства вообще. Персонажи современной прозы — люди ущербные, с патологиями, алкаши, бомжи, просто мерзавцы. Под криминальный образ попадают лица от главы государства до маргинальных низов.

В некоторых произведениях есть попытка слепить, прописать Героя на столкновении прошлого (со второй половины двадцатого века) с настоящим либеральным периодом. Примером такого произведения является роман Н. Гайдук «Зачем звезда герою». Проза автора очень выразительная, даже поэтически метафорическая, наверное потому, что Н. Гайдук — замечательный поэт. И это постоянно чувствуется в его прозе.

Критическая проза заряжена расследованиями, шпиономанией, с участием органов госбезопасности, служб разведки. Появился даже жанр «журналистское расследование». Как пример — книги Людмилы Кретовой-Феррис (Красноярский край). Её книги изданы в Москве, в издательстве «Эксмо».

В разряд криминальных я бы поставил и произведения о политике, о политических переворотах. Наиболее яркими из них являются романы Александра Проханова. Один из них даже называется так — «Политолог». Это о закулисе политических интриг, об аморальности политиков, о «новых русских» — «старых евреях». Роман саркастический, с юмором и издёвками над многими известными лицами в России.

А. Проханов — идеолог «пятой империи», главный редактор газеты «Завтра» с публикациями о «мечте» русской, китайской и др. Его передовицы в газете можно признать как шедевры журналистики и публицистики.

Недавно появился роман в двух книгах «Русский ад» журналиста-писателя Андрея Караулова. Он — пример того, как журналистика превращается в романную публицистику, в художественно яркое изложение исторических событий. В данном случае — всё то, что произошло в России после 1991 года.

В какой-то степени к жанру криминалистики можно отнести роман «Нексус» американского

писателя Рамеза Наама. Он — специалист в области компьютерных технологий, руководитель одного из отделений компании «Майкрософт». С этим романом он стал номинантом в конкурсе «Лучшая книга года». Роман издан в России в 2016 году. Подзаголовок у книги — «фантастический роман». Роман из числа тех, которые попадают под определение «фэнтези». Но дух криминала очевиден. «Нексус» — секретное вещество лаборатории, за которой следит ФСБ США. Слежка, вербовка, тайные эксперименты с этим веществом. Главный персонаж книги, обольстивший девушку с помощью «нексуса», назван ею «козлом». Пожалуй, это единственное и самое смешное место в романе.

Для европейской литературы и в США — это характерное направление в литературе, игра в тайны и сыск. Криминал всегда почитаем в английской литературе. Многие английские писатели или работали в разведке, или были связаны с нею. Знаменитый автор «Робинзона» Дефо был начальником разведки.

Говоря о криминалистике в современной литературе, можно утверждать, что её источник — рыночная экономика, конкуренция, финансовые спекуляции, накопление богатства, его передел и насыщенный изъятие, перманентная экспроприация экспроприаторов (К. Маркс). Кто был никем, тот станет всем! И наоборот.

Наряду с криминальной прозой заметно тиражирование литературы с мистификацией явлений, событий. Вымышленные сюжеты на «вольные темы», придуманные способностями рационально мыслящего человека.

Я бы назвал в качестве примера роман Виктора Пелевина «Бэтман Аполло». В рекламе о романе сказано: «единственный и неповторимый». Роман насыщен мистическими тайными туннелями, «лестницами», перевоплощениями, «двуспальными гробами» и пр. В качестве эпиграфа взяты высказывания графа Дракулы: «В жизни вампира есть тайная отрада и тихое счастье. Они в том, что цивилизованные стандарты либерального гуманизма более не являются для него обязательными». Налицо крах гуманизма и буржуазного либерализма. Роману предпослано предупреждение: «Книга содержит элементы живого русского языка (менее 0,016% текста). Могут быть задеты сексуальные, политические и религиозные чувства читателей, а также её шизофренические и параноидальные комплексы. Автор не ставит такой цели и не несёт ответственности за эффекты, возникающие в уме „б“ во время выработки агрегата „м5“». В романе есть откровенные нецензурные выражения интимной гинекологии. Характерны и разъяснения терминов, употребляющихся в романе, перед его основным текстом. Мистической теме масонов посвящён и роман В. Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов

с масонами». У названия романа подзаголовок: «большой полифонический нарратив» (наработанные смыслы).

Все тексты В. Пелевина как-то трудно называть даже художественной литературой в традиции всей литературы. Это какие-то мистические полифонические исследования, пугающие читателя непостижимой тайной.

Не получается ли при этом, что «король-то голый» и никакой тайны нет, а есть надуманные «сны», как и реальные, не управляемые сознанием и исчезающие при просыпании?

Не в единстве, но в сопоставлении с мистикой В. Пелевина, можно указать на роман американского писателя Дэна Брауна «Ангелы и демоны». Сам автор предупреждает: «В книге упоминаются реальные гробницы, склепы, подземные ходы, произведения искусства и архитектурные памятники Рима, местоположение которых точно соответствует действительности. Их и сегодня можно видеть в этом древнем городе. „Братство иллюминатов“ также существует по сию пору».

Предварительная оговорка автора не снимает с романа покровы таинственности, перипетии заговора учёных против Ватикана.

Сюжетные, идейные столкновения науки и Церкви, веры и знания — тоже характерная черта современной прозы в разных её проявлениях. А «герой времени» всё как-то не проявляется, прячется в «тайнах» и в мистификации.

Мир фэнтези, населённый чудовищами, вампирами, инопланетянами, всевозможные «страшилки» — это поиски героя-антигероя, реальности против квазиреальности, стыдливых человеческих традиций против их агрессивной новизны. Это попытка создать вымышленный мир, чтобы усилить раздражители человеческого восприятия, чтобы разбудить инстинкты, приглушённые романтическим гуманизмом. И получается, что человеческая сущность — самая непостижимая реальность.

Современный литературный текст — это расщепление человеческого сознания на атомы, на молекулы, на электроны, на гены, на ДНК, на андрогинные несходящиеся половинки. Адам и Ева отказались друг от друга. Писатели ищут что-то «третье», всё чаще обращаясь к предсказаниям Апокалипсиса и вообще к религиозной тематике, пытаются найти консенсус между Богом и человеком.

В целом в современной литературе «мужское и женское», «телесное» подвергаются сильным изменениям в сравнении с классикой. Гендерная философия, сексуальная революция в Европе сильно повлияли на умы писателей и читателей. Любовь преподносится как пережиток, а секс — как технология цивилизации. Литература и искусство наполнены сексуальными раздражителями.

Например, переведённому в Голландии роману «Русская красавица» Виктора Ерофеева было указано, что в нём «мало секса». Русский писатель сам опасался «сексуального напыльва» в романе, а в Европе посчитали эту «удаль» недостаточной. Сталкиваются два мира: западный и восточно-русский, хотя в России немало тех, кто перешёл на стандарты европейской цивилизации.

Секс — отдельная особая тема для литературы. Она крепко связана с традициями национального бытия каждого народа. Но глобализация международных рыночных отношений разрушает национальный суверенитет в нравственности, нивелирует все границы и образы жизни. Устраняет роль мужчин как главы семейства, как кормильца-промысловика. Велико количество семей с одним родителем, много незамужних женщин. И это в христианской цивилизации!

История мировой литературы строилась на стремлении мужчины и женщины к союзу по любви (по обычаю и по обязанности). Все романские сюжеты — это стремление к идеалу любви. Ей способствовали и утверждённые табу, ритуалы и заповеди. Человечество выжило благодаря любви между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми.

В настоящее время «запрещаются запреты», разрешаются отклонения от моральных норм. Сама мораль становится ситуативной, относительной, не абсолютной, что «было и прошло». Призрак нравственного апокалипсиса бродит по Европе, в США, в России и в других регионах мира. Нет в современной художественной литературе устойчивых идеалов и отражающих их Героев, нет повестей о «настоящем человеке». Мировоззренческий тупик ставит под сомнение само существование художественной литературы и писателя, лишая его роли Пророка и способности как-то влиять на жизнь людей. Примерами такого антиэстетического отчаянья являются повесть Юрия Казакова «Белая буква» и романы Александра Мелихова «Заземление» и «Свидание с Квазимодо». В рецензии на эти романы Марина Саввиных пишет: «Избежать „креста“ разумное существо не может. Но может — отрешиться, отречься от него, что означает — отречься и от разума. Принять „крест“ с благодарностью и верой в то, что именно крестные муки — тот самый резец, которым человек, подобно ваятелю, работает над собой, совершенствуя и освобождая дух для бессмертия, — кто отважится на это?» Воистину, смертью смерть поправ, мы надеемся на бессмертие, мы живём, любя и мучаясь. Этот вечный «сюжет» невозможно заменить мистификациями, любованием уголовщиной, тотальным отрицанием Героя в литературе и его Возлюбленной.

Жизнь многообразна, как сама природа. В ней регулярно меняются погодные условия, сезоны,

то ярко красуются цветы, то увядают. И, как это бывает, помощь и надежда приходят с неожиданной стороны, но не без участия человека.

Вот в Красноярске в мае 2018 года состоялся Первый Всероссийский фестиваль фильмов «Герой» для детей и юношества. Его приветствовали кинорежиссёры Никита Михалков и Владимир Грамматиков. Приведу знаменательное высказывание В. Грамматикова: «Я рад приветствовать вас на Первом Всероссийском фестивале фильмов для детей и юношества. В последние годы кинематограф не часто занимался поиском героя, не часто разбирался в том, что побуждает людей на героические поступки. И хорошо, что красноярцы пробили в колокол и призвали всех нас разобраться в данной теме. Понять, кому можно подражать и какими

поступками можно гордиться. Нам крайне важно понимать, кто же он — герой сегодняшнего дня. Наши сценаристы будут писать замечательные сценарии, а наши режиссёры — снимать замечательные фильмы. Мы будем снова привозить свои работы на фестиваль в Красноярск и вместе искать настоящих героев. Всем — удачи, хорошего настроения и правильных жизненных ориентиров».

От себя добавим: «правильные жизненные ориентиры», возможно, ещё теплятся в душах людей, проживающих в Сибири и вообще в российских регионах, менее подверженных мистификации жизни, более озабоченных бытием с главными основами Истины, Добра и Красоты. Да будет так и в художественной литературе. Верим, что в ней появятся настоящие Герои Нашего Времени.